

5. Освоение целинных и залежных земель в Сибири и Казахстане. М., 1954.
6. Анисков В., Неверов В. Комсомол Алтая в борьбе за освоение целинных и залежных земель. Барнаул, 1958.
7. Иващенко П. Партийная организация Алтая в борьбе за повышение производительности труда в зерновом производстве. Барнаул, 1958.
8. Партия – организатор крутого подъема сельского хозяйства. М., 1958.
9. В краю просторов и подвигов. Молодежь на целине. М., 1962.
10. Народное движение за освоение целинных земель в Казахстане. Алма-Ата, 1964.
11. Ульянов Л.Н. В борьбе за освоение целины. М., 1959.
12. Шевченко А.С. На целинных землях Сибири и Казахстана. М., 1960.
13. Юхнович Д.И. Некоторые вопросы историографии освоения целинных земель в СССР // Некоторые проблемы истории советского общества. М., 1964.
14. Богденко М.Л. Проблемы массового освоения целинных и залежных земель в советской литературе // История СССР. 1974. № 4.
15. Куликов В.И. Исторический опыт освоения целинных земель. М., 1978.
16. Зеленин И.Е. Аграрная политика Н.С. Хрущева и сельское хозяйство. М., 2001.
17. Морозова В.А., Антипин А.А. Хрущевская оттепель. Йошкар-Ола, 2001.
18. Вербицкая О.М. Российское крестьянство: от Сталина к Хрущеву. Середина 40-х – начало 60-х гг. М., 1992.
19. Зубкова Е.Ю. Маленков и Хрущев: личный фактор в политике послесталинского руководства // Отечественная история. 1995. № 4.
20. Никонов А.А. Спираль многовековой драмы: аграрная политика и политика России (XVIII–XX вв.). Минск, 1996.
21. Пыжиков А.В. Хрущевская «оттепель». М., 2002.
22. Барсуков Н. Как был «низложен» Н. Хрущев // Общественные науки. 1989. № 6.
23. Лейбович О.Л. Реформы 1953–1964 гг. в контексте отечественной модернизации: Автореф. дис. ... д.и.н. Екатеринбург, 1995.

В.Ю. Тутов

ПЕРСониФИЦИРОВАННЫЙ ФАКТОР ПРОТЕСТА В СОВЕТСКОЙ ЭЛИТЕ: ДОМИНИРОВАНИЕ И СОПРОТИВЛЕНИЕ (КОНЕЦ 1960 ГОДОВ)

Иркутский государственный педагогический университет

В современной литературе нет единого подхода к изложению истории гласности в Советском Союзе. С точки зрения языковой символики наиболее целесообразно рассматривать развитие русской гласности через персонифицированное отношение наиболее выдающихся общественных деятелей к политическому строю. Персонификация – способ приспособления человека к условиям жизни и деятельности. Это всегда происходит намеренно и осознанно. Персонификация предполагает, что благодаря рассмотрению какой-либо темы на фоне биографии людей исторические факты из конкретных, узко ограниченных рамок переходят в состояние, при котором способны осветить отдельные стороны общественной жизни. В 1993 г. в свет вышла оригинальная статья А.И. Фурсова [1, с. 62], посвященная роли персонификации фактов в изучении индустриальной цивилизации. За отправную точку исследования А.И. Фурсов предлагал брать факт труда человека. Сама по себе личность, пусть даже очень одаренного исторического лица, его не сильно волновала. Человек рассматривался двояко. Во-первых, как носитель конкретных биографических данных, которые обычно записываются в пас-

порт, энциклопедический словарь и пр. Во-вторых, как лицо, занятое конкретной деятельностью, которая способна повлиять на ход развития социальной и политической жизни страны. Во втором случае жизнь изучаемой персоны наполняется целым рядом отдельных, второстепенных фактов. Они могут быть совершенно никчемными или, напротив, достаточно сильно гипертрофированы по отношению к общему биографическому портрету персоны. В то же самое время только эта «трудовая повседневность» должна интересовать историка. По мнению А.И. Фурсова, человек во время выполнения конкретного профессионального занятия повторно проходит свой жизненный путь от «нуля до самого конца». Иногда, в условиях экстремального характера, люди отступают от своих жизненных принципов, и в результате в «цепи» биографических событий образуются некие жизненные анклавы. Историк может наблюдать за судьбой человека и выделять только те факты общественной жизни, которые влияли на образ мышления изучаемой персоны.

Более четко метод персонификации исторических данных был разобран в 1962 г. Рэдфилдом Хьюмоном в работе «Природа и изучение общества» [2,

с. 284–285]. На наш взгляд, для американской историографии факт персонализации истории преломляется через «многосложность человеческого развития», делящейся на три уровня [3, с. 160]. Первый уровень – религиозный или культурный, являющийся, как правило, доминирующим в системе ценностей человека. Второй уровень связан с отождествлением себя с условиями индустриального производства, и последний, третий, уровень модифицирует реальные условия жизни под конкретные интеллектуальные запросы изучаемой персоны.

Профессионально выполняя обязанности на работе, человек очень сильно зависит от второго уровня. Во время работы он как бы отчуждает свое духовное естество от самого себя. В итоге происходит наложение одного уровня на другой, и это ведет к формированию комбинации самых разных социальных ситуаций, сочетаемых в сознании одной личности. Думая о социальном, человек находится в постоянном протесте по отношению к условиям собственной жизни. С одной стороны, он пытается приспособиться к экономическим и политическим устоям общества, с другой – желает удовлетворения своих духовных потребностей. Таким образом, сопротивление или протест носит повседневный характер для нормального развития гласности в обществе.

Неудовлетворенность жизнью рождает у людей чувство психологической ущемленности и дискомфорта, которые выступают как мотив изменения привычного образа мышления и поведения. Все изменения в жизни персона осуществляет самостоятельно, через сравнение господствующих в обществе норм поведения с собственным мировоззрением. Американец Джон Тернер разработал в 1964 г. теорию возникающих норм, буквально витавшую на страницах социологических и психологических изданий. Люди, вступая во взаимодействия, а иначе жить в обществе невозможно, постепенно вырабатывают правила, ограничивающие индивидуализм человека. Например, критика диссидентов или митинг в защиту демократии в годы перестройки возникали не вдруг, а согласно правилам и нормам, господствующим в обществе. Просто для каждой ситуации в обществе предусмотрены свои нормы «игры». Это происходит благодаря действующим в обществе процессам коммуникации, формирующим общественное мнение.

Метод персонализации может быть применен для изучения неординарной личности, которая занята в общественном производстве, в качестве обособленного, частного лица: писателей, академических ученых, деятелей искусства. Выбор персоны исследования академика А.Д. Сахарова продиктован следующими обстоятельствами. Прежде всего, серьезная правозащитная деятельность в

Советском Союзе не могла быть организована вне связи с высшей политической номенклатурой страны. Номенклатура являлась своеобразным стержнем всех властно-собственнических отношений, которые были поделены между различными группами политической элиты. У каждого члена политбюро существовали свои «особые» отношения как с региональными руководителями [4], так и с представителями интеллигенции. Только «играя» на своеобразных «вотчинных чувствах» московской номенклатуры, правозащитники обычно добивались половинчатых успехов на поприще советской гласности. Для такого результата им самим необходимо было либо входить в круг номенклатуры, либо акцентировать на себе внимание представителей высшей политической власти. В СССР таким «правом» пользовались очень одаренные и необходимые для режима КПСС люди, заслужившие уважение всей страны.

Установить подлинную, документально подтвержденную связь отдельных членов ЦК партии с этими инакомыслящими невозможно. Подозревать кремлевское руководство в симпатиях к А.Д. Сахарову вряд ли возможно. Но, судя по документам, исходящим из КГБ в ЦК, можно с большой долей вероятности говорить о том, что все сказанное, сделанное академиком внимательно анализировалось на Лубянке. Некоторые из его предложений в ЦК становились поводами для объективных дискуссий в Кремле, т.к. он был символом советского инакомыслия.

Что же означало инакомыслие для действительного академика АН СССР? Вот пример того, как другой академик – П.Л. Капица – понимал термин «протест»: «К инакомыслию надо относиться весьма вдумчиво и бережно, как это делал Ленин» (П.Л. Капица в письме приводит пример бережного отношения В.И. Ленина к академику И.П. Павлову, выражающему отрицательное отношение к социализму после революции). «Инакомыслие, – продолжал П.Л. Капица, – тесно связано с полезной творческой деятельностью человека, а творческая деятельность в любых отраслях культуры обеспечивает прогресс человечества» [5, с. 53].

В современной историографии дается схожая точка зрения по протесту, который вбирал в себя диссидентство, инакомыслие, религию и многое другое. «Основной стимул каждого творчества – это недовольство существующим. ...А активно недовольные – это беспокойные люди, и по складу своего характера (они) не бывают послушными барашками, т.е. такими, какими любят ученого наши бюрократы, ибо с ними наименее хлопотливо работать» [6, с. 24].

Подобную позицию отстаивает А.Б. Безбородов, когда пишет об инакомыслии как о преодолении ан-

тиинтеллектуализма после смерти И.В. Сталина в академической среде московских вузов [6, с. 25]. Именно это пытался объяснить П.Л. Капица председателю КГБ Ю.В. Андропову, заступаясь за А.Д. Сахарова и Ю.Ф. Орлова: «Чтобы появилось желание творить, в основе должно лежать недовольство существующим, то есть надо быть инакомыслящим» [5, с. 53]!

Такого рода инакомыслящие протестовали чаще других, например, против некоторых аспектов политики КПСС, но им неведомы были сомнения в верности и исторической правоте коммунизма. В их взглядах и поступках вообще нельзя найти тени огульной критики, противоправных взглядов, хоть как-то связанных с уничтожением марксистской идеологии, а также советской государственности. В этой связи возникает второй вопрос, а как советское общество относилось к инакомыслию, которое позднее стали называть движением диссидентов?

«У нас не существовало диссидентского движения – было просто распространение неприятной для властей информации. То есть у нас не было подполья, каких-то там террористических групп, настоящей партийной оппозиции; не было даже того, что появилось в свое время в Польше – комитетов по связи интеллигенции с рабочими и крестьянами. У нас была некая группа хороших людей, которые что-то рассказывали друг другу и распространяли это за пределами своего круга. Иногда свои сочинения передавали за границу. Но настоящего серьезного идеологического подполья не существовало» [7, с. 306–308]. Этими словами начинает свое интервью бывший главный редактор журнала «Огонёк» В.А. Коротич. Он был среди тех лиц, которые по «номенклатуре положения» напрямую общались с секретарями ЦК, министрами и не понаслышке обладали информацией о внутривнутриполитической обстановке в Союзе.

Просмотр фондов архива А.Д. Сахарова позволяет согласиться с мнением В.А. Коротича: диссидентства в СССР не было, а были отдельные группы лиц, которые духовно и идеологически объединялись вокруг крупных фигур ученых, писателей, гуманитариев, выразивших в разной степени инакомыслие по отношению к советской действительности. Когда некоторая часть из этих антисоветских групп предпринимала какие-то действия, то советское общество воспринимало это как резонанс положительного или отрицательного характера. Известный советский социолог В.Э. Шляпентох, занимавшийся в середине 1960 г. анализом читательской аудитории центральных газет, высказал достаточно интересную гипотезу, касающуюся «диссидентства» Солженицына, Буковского и прочих. Они советской системе, – говорил социолог, – «никакого особенного вреда принести не могли».

Более того, в принципе никто «не воевал с системой – мы хотели ее модернизировать, усовершенствовать» [7, с. 116].

Приблизительно также мыслил и действовал Андрей Дмитриевич Сахаров (1921–1989 гг.). Это феноменальная фигура физика-теоретика, одного из создателей водородной бомбы.

21 ноября 1970 г. А.Д. Сахаров совместно с А.Н. Твердохлебовым и В.Н. Чалидзе сообщили о создании «неправительственного Комитета прав Человека», о чем известили Организацию Объединенных Наций [8].

Декларация начиналась словами, определившими приход в общественно-политическую деятельность академика АН СССР А.Д. Сахарова: «Исходя из убеждения, что проблема обеспечения прав Человека важна для создания благоприятных условий жизни людей, упрочнения мира и развития взаимопонимания и является неотъемлемой областью современной культуры», вышеназванные лица решили изучать различные проблемы социальной жизни [8, л. 1].

18 января 1971 г. председатель КГБ Ю.В. Андропов направил рабочую записку Л.И. Брежневу. В ней Ю.В. Андропов обосновал необходимость срочной встречи генерального секретаря с академиком следующими фактами:

1. «...по замыслам инициаторов создания “Комитета”, он призван стать, по сути дела, легально организованной оппозицией, противостоящей советским государственным органам» [8, л. 1].

2. В адрес Комитета посылают письма как советские граждане, так и иностранцы из-за рубежа. «Авторы писем, – писал Ю.В. Андропов об иностранных корреспондентах, – предлагают установить контакты, сотрудничество и оказать всяческую помощь, вплоть до материальной. Подавляющая часть корреспонденции, поступающая от советских граждан, содержит жалобы на действие местных органов, приговоры судов и т.п.» [8, л. 1].

Последние абзацы документа содержали справочные данные о А.Д. Сахарове, которые в высшей степени были положительными и объективными. В конце перечислялись звания и заслуги опального академика. Его психологический портрет в изложении КГБ не выходил за рамки стереотипного образа ученого. Вот ряд ярких фрагментов: «В быту производит впечатление типичного чудака – ученого, совершенно не замечает мелочей жизни. Одет обычно неряшливо, одежда старая, вид его явно неухоженный. ...Сделав большой вклад в создание термоядерного оружия, Сахаров чувствовал свою “вину” перед человечеством и поэтому поставил перед собой задачу бороться за мир» [8, л. 10].

3. Был еще один факт, который волновал председателя КГБ. О нем он писал в ЦК за двадцать дней

до этой памятной записки. Документ носил название: «О пресечении политически вредной деятельности так называемого Комитета прав Человека». У ЦК КПСС в довольно завуалированной форме запрашивался вариант действия в отношении А.Д. Сахарова на случай, если он не отступится от своих идей. При этом подразумевалось, что самый действенный способ был бы тот, о котором принято молчать. Самому Ю.В. Андропову антилегитимный исход дела Сахарова был противен. Очень может быть, что он подразумевал возможность незаконных действий против Сахарова в связи с общим пожеланием, исходившим из ЦК. Текст записки носил сообщительный характер. Вероятного читателя подводили к мысли о ненужности академика в социалистическом государстве. Среди тех, кто поставил свое имя под текстом, есть А. Косыгин, М. Суслов, А. Шелепин, В. Кузнецов, М. Келдыш, В. Чебриков, Р. Руденко [9, л. 3]. Примечателен тот факт, что под аналогичными документами нет подписи Ю.В. Андропова.

Практическая правозащитная деятельность «Комитета прав Человека» не касалась жизни советского общества. Сахаров и его товарищи по Комитету были лишены возможности сколько-нибудь реально помочь обращающимся к ним людям решить коммунальные, бытовые проблемы; уладить конфликт на работе. Работу по линии защиты прав и достоинства человека Комитет пытался проводить по отношению к «сионистам» (лицам, желающим выехать за рубеж), «диссидентам» (отбывающим срок в лагере или психологическом диспансере), «баптистам и иеговистам» (представителям религиозных сект христианского толка) [10, л. 1 об.]. На эти три категории во второй половине XX в. условно делились те, кто не был согласен с политикой советского правительства. КГБ умело пользовался такой интерпретацией для нагнетания в обществе истерии ненависти ко всем инакомыслящим. По существу дела, к инакомыслящим относилась только небольшая доля лиц из категории, названной «диссидентами». Две другие категории лиц и некоторая часть диссидентов конечной целью своей так называемой борьбы видели выезд из СССР. Многие из них кроме банальных, а иногда даже приземленных вещей ничего не воспринимали. Рассматривать персону А.Д. Сахарова в таком контексте было бы не правомерно. В конце 1960 гг. он только начинал свою деятельность, противостоящую ЦК КПСС и КГБ, и опубликовал «Размышление о прогрессе, мирном существовании и интеллектуальной свободе».

Это 35-страничное эссе о состоянии мира, находившегося в антагонистической борьбе, происходящей между двумя ядерными супердержавами. Среди тех, кому оказалась доступна книга академика, были те, кто воспринял противостояние в более

широком смысле между государством и обществом. В представлениях некоторых чинов КГБ это выглядело своеобразным искусством государственного доминирования и общественного сопротивления.

Вся мировая элита с обеих сторон, по мнению А.Д. Сахарова, работала ради «активного предупреждения» [11, с. 19] своего противника о потугах и усилиях, направленных на уничтожение мира. Такая разобщенность являлась прямой угрозой интеллектуальной свободе. Единственно реальный путь выхода из нарастающего кризиса А.Д. Сахаров видел в развитии гласности нравственных тем [12, с. 37]. Предположительно это должно было происходить синхронно как в Америке, так и в Советском Союзе. Обе системы постепенно объединяются в один мощный мировой механизм, переняв друг у друга положительные стороны развития. Наличие классовых экономических и идеологических расхождений не должно было стать бременем для такого сотрудничества. А.Д. Сахаров был убежден, что все различия искусственно раздували представители военно-промышленных кругов, которым было выгодно противостояние. «Развитие современного общества идет в СССР и США по одному и тому же закону усложнения структуры и усложнения задач кооперации в управлении, что приводит к выделению очень сходной по своей природе “управляющей” группировки. Таким образом, мы должны признать, что не имеется качественной разницы в структуре общества по признаку распределения потребления» [11, с. 40]. Именно несовершенство распределения тормозит развитие и благополучие американского и советского обществ. Андрей Дмитриевич полагал, что с усилением экономических преобразований в сторону рыночного фактора развития бесполезность бюрократической группировки станет очевидна каждому, и общество безболезненно ее ликвидирует. Для этого в СССР потребуется усилить роль народного контроля над управляющей группировкой.

Основание говорить подобное у А.Д. Сахарова, безусловно, было. Ведь конец 1960 гг. стал концом экономических экспериментов, в основе которых лежали робкие попытки сочетать план и рынок в СССР, Югославии, Чехословакии. Рынок, с точки зрения А.Д. Сахарова, ни в какой мере не умалял значения социализма. Напротив, рынок делал социализму «человеческое лицо». Такие преобразования в конечном итоге подразумевали бы проведение социальных реформ, направленных на изменение структуры собственности при капитализме и социализме. На арену мировой политики должны были выйти государственная и кооперативная формы собственности. Весь процесс А.Д. Сахаров разделил на четыре этапа одновременных преобразований в США и СССР.

Идея конвергенции, которую в публицистической форме А.Д. Сахаров блестяще изложил в «Размышлениях» 1968 г., находила свою постоянную читательскую аудиторию в Западной Европе, в США и Советском Союзе тоже. В отличие от академической среды, осудившей взгляды академика, Ю.В. Андропов достаточно терпимо относился к конвергенции. Что же касается экономических преобразований по линии план и рынок, то такие идеи достаточно серьезно обсуждались на заседаниях ЦК и политбюро. Книгой Г.С. Лисичкина «План и рынок» интересовались, как тогда говорили, «на самом верху».

Хорошо известно, что Андрей Дмитриевич несколько раз писал руководителям партии, правительства, желая довести до их сведения идеи конвергенции. На эти письма, точно так же, как и другие диссиденты, писавшие в правительство, А.Д. Сахаров ответа не получал. Письма, адресованные вождям Кремля с позиций критики, не могли быть услышаны, а может быть, даже и «увидены» тем, кому предназначались. Такой исход был самым вероятным, и академик АН СССР А.Д. Сахаров знал об этом. Дело было не в личных симпатиях и антипатиях, пристрастиях и мировоззренческих идеалах членов партии, а в системе партийной субординации. В партии, в государственных органах власти и тем более в ЦК

могли попадать люди, мало чем отличавшиеся друг от друга. Если кто-то давал себе волю полиберальничать, его отправляли на пенсию.

Идея сокрушения социализма была чужда и А.Д. Сахарову, и практически всем советским гражданам. Вследствие этого обвинения его в антигосударственной деятельности не могли найти массовую поддержку в СССР [13, с. 303]. В КГБ тоже уловили, что в стране назревает создание оппозиции по духу и мысли в защиту опального академика, но эта оппозиция лишена стремления к действию. С 1974 г. КГБ регулярно направляло в ЦК партии записки и в рекомендательной форме предлагало временами «на 5–6 месяцев» в год заморозить публичные выступления против Сахарова. «Это обстоятельство может создать видимость, – писалось в записке КГБ за март 1974 г., – что теперь, когда Сахаров лишен возможности контактировать ...с Солженицыным, он не представляет особой опасности для советского общества» [14].

Тем самым компетентная организация СССР, а за ним и ЦК КПСС признавали право за обществом на оппозиционное осмысление происходящих в стране событий. Было бы ошибкой думать, что такое «разрешенное» мышление серьезно угрожало политическому строю и экономическому развитию страны.

Источники и литература

1. Крестьянство и индустриальная цивилизация. М., 1993.
2. Human Redfield. Nature and the Study of Society: The Papers of Robert Redford. Chicago; London, 1962.
3. Foster G. What is Folk Culture? // American Anthropologists. Wash., 1953. Vol. 55. № 2.
4. Мохов В.П. Эволюция региональной политической элиты России (1950–1990 гг.). Пермь, 1998.
5. П.Л. Капица и Ю.В. Андропов об инакомыслии (подборка писем) // Коммунист. 1990. № 7.
6. Безбородов А.Б. Феномен академического диссидентства в СССР: Учебное пособие по спецкурсу. М., 1998.
7. Пресса в обществе (1959–2000). Оценки журналистов и социологов. Документы / Авторы и исполнители проекта А.И. Волков, М.Г. Пугачева, С.Ф. Ярмолюк. М., 2000.
8. Архив А.Д. Сахарова. Фонд А.Д. Сахарова. Док. 10.
9. Там же. Док. 15.
10. Там же. Док. 12.
11. Там же. Док. 8.
12. Сахаров А.Д. Тревога и надежда. 2-е изд. М., 1991.
13. Россия: семидесятые как предмет истории русской культуры. М., 1998.
14. Архив А.Д. Сахарова. Фонд А.Д. Сахарова. Док. 32.